

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

**„Сказание о кѣвских богатырех как ходили во Царьград  
и как побили цареградских богатырей учинили себѣ честь“  
по списку XVII века**

Заметки о языке и стиле

„Сказание о киевских богатырях“ известно в настоящее время в трех списках: один — половины XVII в. (Гос. Ист. музей, Барс. 1463) и два — XVIII в. (Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина 0. XVII. 57 и Отд. рукописей Инст. мировой литературы 1.27.105). Первые два были неоднократно опубликованы;<sup>1</sup> последний, найденный недавно, опубликован А. В. Позднеевым в сборнике „Старинная русская повесть“.<sup>2</sup>

Текст XVII в. занимает своеобразное положение по отношению к текстам XVIII в.: 1) он больше по объему, так как в нем есть детали, отсутствующие в текстах XVIII в.; 2) он ближе к устной традиции, потому что не только содержит в себе „общие места“ и формулы былевой поэзии, но и весь строй речи в нем, в особенности, синтаксис и лексика определяются нормами устной речи, которая хорошо нам известна по былинам. Тексты XVIII в. представляют собой последующую письменную переработку или нашего текста XVII в. или, что почти несомненно, той записи, которая послужила оригиналом для текста XVII в.

Рукописный сборник Государственного Исторического музея под шифром Барс. 1463, содержащий „Сказание“, состоит из нескольких тетрадей, подшивавшихся постепенно и написанных несколькими почерками XVII и XVIII вв. В сборнике 268 листов, он малого размера (8 см × 14,5 см), очень потрепан, зачитан, углы грязны, стерты, местами (в статьях, которые читались особенно часто) подклеены новой бумагой. На листах сборника несколько записей, указывающих на принадлежность его трем поколениям Каменевых, посадских людей Турчасовской волости Каргопольского уезда. Записи идут по всему сборнику и имеют даты: 1642 г., 1680 г. и 1724 г. Запись „Книга зовомая турчасовца“, заклю-

<sup>1</sup> Текст XVII в. опубликован: 1) Е. В. Барсовым в Сборнике ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1881; В. Ф. Миллером в „Былинах новой и недавней записи“, М., 1908; М. Н. Сперанским во II т. „Былин“ (Памятники мировой литературы), М., 1919 и П. К. Симоном в Сборнике ОРЯС, т. С, № 1 (Памятники старинного русск. яз. и словесн. XV—XVIII ст.), Пгр., 1922; текст XVIII в. рукоп. 0. XVII. 57 (из собрания Буслеева) опубликован: 1) в „Памятниках старинной русской литературы“, изд. Кушелевым-Безбородко, в. 1, М., 1860; 2) в сборнике „Былины старой и новой записи“, сост. Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, М., 1894; 3) П. К. Симоном в названном выше сборнике ОРЯС.

<sup>2</sup> Старинная русская повесть, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.

чает собой первую тетрадь, которая была „основой“ и началом сборника. Она написана скорописью середины XVII в. и кончается 140-м листом. На 155-м и 195-м листах записи двух братьев — „Ивана и Алешки“:<sup>1</sup> на 195-м л.: „Книга турчасовца Ивана Елизарова Каменева подписалъ по ево вельню... 1680 году ееврали въ 28“, а на 155-м л.: „Се аз турча-совецъ Алешка Елизаров руку приложил“. Очевидно, по просьбе владельца книги, Ивана Елизарова Каменева, „подписывает“ его брат Алексей Елизаров. И, наконец, по низам листов от 15 до 29-го идет запись скорописью XVIII в.: „Книга турчасовца Посадкого человека аюнася Иванова сына Каменева подписывал своею рукою 1724 августа 1 дня“. Описание сборника Барс. 1463 было сделано Е. В. Барсовым<sup>2</sup> и П. К. Симио<sup>3</sup> при публикации ими „Сказания о киевских богатырях“.

Интересующий нас текст „Сказания о киевских богатырях“ входит в первую тетрадь сборника, состоящую из трех произведений: 1) лл. 2—97 об. Путешествие Трифона Коробейникова (без начала, так как первый лист не сохранился); 2) лл. 98—121 „Сказание о кьевских богатырех как ходили во царьград и как побили цареградских богатырей учинили себѣ честь“; 3) „Слово о дмитреѣ купцѣ и о мудрых словесех сына ево борзосмысла“. Следует отметить, что особенно „зачитанным“ является „Сказание о киевских богатырях“: четыре листа по углам подклеены и по подклеенному дописаны позднее; углы почти всех листов очень истерты и ветхи.

Вся первая тетрадь написана одним почерком и имеет несколько общих особенностей для всех трех произведений, указывающих либо на то, что оригиналом для первой тетради послужила подобная же тетрадь, содержащая все три произведения, либо на то, что на текстах сказались особенности речи (устной и письменной) того, кто копировал произведения.

„Сказание о киевских богатырях“ представляет большой интерес с точки зрения истории русского литературного стиля XVI—XVII вв. и истории русского устного народного творчества. В науке существуют два противоположных мнения по поводу „Сказания“. Представители первого, Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский и М. Н. Сперанский, рассматривают его как былинку; представители второго (а их значительное большинство) — как произведение книжника, опиравшегося на фольклор. Это последнее положение, развернутое В. Ф. Миллером, было принято, с теми или иными вариациями, почти всеми, кто после него писал о „Сказании“. Н. К. Гудзий в курсе „История древней русской литературы“ (Учпедгиз, М., 1938, 1941 и 1946) помещает „Сказание о киевских богатырях“ в разделе „Московская литература XVI—XVII вв.“ и считает его „любопытным памятником“ второй половины XVI в., поводом для создания которого послужило завоевание Грозным Казани и Астрахани (во 2-м издании — только Казани).

В 1941 г. в сборнике „Старинная русская повесть“ была напечатана статья А. В. Позднеева, посвященная „Сказанию“. Автор называет „Сказание“ „переработкой былины“, переработкой, которая „носила механический характер“ и была сделана „рядовым книжником без особенного поэтического дарования“. Поэтому он говорит о „книжном Сказании“ и былине как об отдельных произведениях. По его мнению, в „Сказании“ отражено покорение Ермаком Сибири, а самое „Сказание“

<sup>1</sup> Цитаты из рукописей даем в упрощенной орфографии: титла раскрыты; выносные буквы внесены в строку; *ук, і* передаются через *у, и*; омега — о.

<sup>2</sup> Сборник ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1881.

<sup>3</sup> Сборник ОРЯС, т. С, № 1, 1922.

создано „в районе Верхнего Поволжья“ между 1610 и 1620 гг., так как 1) в нем имеется „польское слово «шкапа», занесенное в Россию, очевидно, во время польской интервенции, 2) новая форма имени героя (Илья Муромец вместо старой формы Илья Муровленин), неизвестная еще в XVI веке“.<sup>1</sup>

Предлагаемая работа не ставит себе целью анализ сюжета „Сказания“, его композиции и вариантов в отношении к былинам, содержащим сходные элементы. В данном случае задача ограниченная — путем анализа отдельных элементов языка и стиля решить вопрос о том, 1) является ли „Сказание“ „книжным“ произведением или оно — запись устного произведения, хотя и сделанная весьма несовершенно и 2) найти в языке достаточно достоверные данные для локализации „Сказания“.

В. Ф. Миллер доказывает в своих „Очерках“,<sup>2</sup> 1) что „Сказание“ является книжным, письменным произведением (хотя и опирающимся на устную традицию), созданным каким-то „грамотеем“; 2) что „Сказание“ — памятник московский. Доказательства свои В. Ф. Миллер строит на анализе языка и стиля произведения.

Он пишет: „... как увидим сейчас, этот великий князь говорит Илье Муромцу «с товарищами» тем языком, которым писались грамоты московскими дьяками: «или то вамъ несвѣдомо богатыремъ что отпущает на меня царь костянтин из царя града 42 богатырей а велит имь Къевь изгубити; и вы б нынеча никуда не розежались, берегли бы естя града киева и всеѣ моей вотчины». После этого великокняжеского приказа оберегать государевы вотчины, богатыри бьют челом с такими словами: «Государь князь Владимир киевской всеслаевичъ отпусти нас в чистое поле мы тебѣ, государю [разрядка здесь и в следующих цитатах В. М.], прямыя вѣсти отвѣдаем приведем тебѣ государю языка добраго, тебѣ государю славу великую учинимъ себя государь в честь введемъ и всему твоему государству похвалу великую учинимъ многия орды острастимъ». Эти слова с беспрестанным повторением титула (государь), с обещанием привести языка доброго (обычный термин походов в степь против татар, встречающийся, например, в Сказании о Мамаевом побоище); обещание учинить государю славу великую и всему его государству, а также «острастить многия орды» — все это носит яркие признаки московского великокняжеского или царского времени с его казенным патриотизмом и холопскими чувствами“.<sup>3</sup>

Приведя слова Ильи Муромца — „хочю голову сложить за государеву чашу и молитвы и за ево хлѣб соль великую“, В. Миллер пишет: „Таким приниженным языком служилого московского человека говорит богатырь, который в былинах стоит за Киев не ради князя и княгини, а ради вдов, сирот и божьих церквей“.<sup>4</sup> И далее: „На пиру Илья Муромец обычным ему в Сказании приниженным языком бьет челом государю «Государь князь владимер всеслаевич умилосердися пожалуй нас холопей своих...»“.<sup>5</sup>

В. Миллер останавливается еще на таких словах, как „жилец двора государева“, „вотчина“, „пожаловать“. И все это вместе дает ему основание утверждать, что „... везде чувствуется московская приниженность служилых людей и придворное низкопоклонство. Этим холопским духом проникнут вполне составитель Сказания о подвигах семи киевских

<sup>1</sup> Старинная русская повесть. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 188—189.

<sup>2</sup> В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, М., 1910.

<sup>3</sup> Там же, стр. 129—130.

<sup>4</sup> Там же, стр. 132.

<sup>5</sup> Там же, стр. 136.

богатырей, и в этом круге понятий он вращается, пытаюсь изобразить времена эпического князя Владимира<sup>1</sup>.

Установив, таким образом, что „Сказание“ памятник, вышедший из московской служилой среды (иначе как же понимать все приведенные примеры и рассуждения), В. Миллер говорит о времени и процессе сложения. „Таков мог быть, на наш взгляд, процесс литературной работы, — говорит он, — сделанной в XVI в. каким-нибудь грамотеем и названной им «Сказанием» (разрядка наша) по образцу подобных сказаний старого времени. Отличие его от других авторов подобных сказаний в том, что он жил, повидимому, в местах, где эпическая традиция процветала, и был сам хорошо знаком с былинным складом и ладом“<sup>2</sup>. Заключение В. Миллера таково: „Сказание, на наш взгляд, представляется наивным народным отголоском на те политические идеи, которые распространялись при московском дворе и духовенством, и более просвещенными людьми XVI в., московскими государственниками“<sup>3</sup>.

Все исследователи (В. Ф. Миллер, М. Г. Халанский, А. В. Позднеев), считающие „Сказание“ „книжным“ произведением, приписывают ему сложную иноказательную систему изображения московских событий и отношений XVI в., что противоречит той характеристике, которую они дают „грамотею“, составившему „Сказание“. В. Ф. Миллер пишет о „простодушности“, „наивности“ слагателя, об отсутствии у него „критического отношения к былинам“ и т. д. Но почему „наивный“, „простодушный“ „грамотей“, „не задававшийся вопросом о том, как согласить свое сказание с историей, с теми немногими фактами, которые и ему, при всем его неведении, не могли быть неизвестны“, выбирает такой сложный и трудный способ — иноказательно, пользуясь известными образами (а для человека XVI в. богатыри „Сказания“ были достаточно „живыми“, так как, например, сведения об Алеше Поповиче вносятся в летопись именно в XVI в.), рассказывать о современных ему событиях? И это в то время, когда эпическая традиция очень жива, сильна. Проще было сложить новую песню, былинку, что и делали „наивные“ представители народа, широко отразившие эпоху Грозного в своих произведениях (Взятие Казани, Матрюк, Ермак и т. д.). Останемся на том, что дает язык „Сказания“ в различных своих проявлениях для решения вопроса: 1) в какой мере можно локализовать текст — московский это памятник или какой-либо другой, турчасовский, например, как предполагает Барсов; 2) считать ли „Сказание“ записью, хотя бы подправленной, устного произведения или считать произведением книжным, возникшим на основе былин.

Большую роль для локализации играет орфография текста, потому что в ней может отражаться говор того, кто делал запись, и того, кто ее копировал.

„Сказание“ представляет собой копию, как и другие два произведения, входящие в первую тетрадь сборника Барс. 1463, а не запись. На это указывает особый характер ошибочных написаний, например: „а терки на м и х камки венецкие“ л. 103 об.—104, „а Никиты палица вся вязолотая“, л. 104, „во царьгогород“ л. 104 об., „бояр аря“ (вм. богатыря) л. 120 об. и т. п.

Что касается диалектных особенностей, которые нашли отражение в тексте, приходится чрезвычайно осторожно подходить к ним, так как

<sup>1</sup> Там же, стр. 136—137.

<sup>2</sup> Там же, стр. 143.

<sup>3</sup> Там же, стр. 145.

трудно решить, что из них следует отнести за счет оригинала, что — за счет сделанной с него копии, тем более что диалектная окраска текста довольно бледная.

Самой яркой особенностью текста является написание „кѣвь“, „кѣвский“ вместо „киев“, „киевский“. Из 32 слов (киев, киевский) 14 написаны с *ѣ*, а 18 с — *и*. Но *ѣ* вместо *и*, кроме „кѣв“, „кѣвский“, в других словах текста не встречается. Если бы произношение старого *ѣ* как *и* было в говоре копииста или того, кто записал „Сказание“, то несомненно встретилось бы оно и в других словах вместо *и*. Буква *ѣ* в тексте „Сказания“ совершенно правильно поставлена 135 раз и только 21 раз неправильно (исключаем отсюда 14 написаний „кѣв“): 19 случаев — это замена *ѣ* через *е* и два случая обратной замены — *е* через *ѣ* (в столе, розежались, серая, в киеве, седла, реку, вестей, (4 раза), ведают, на смугре, рекѣ, доспехи увидети, съезжаютца, потешатся; нѣ за што, нѣчем).

Следовательно, нет никаких оснований предполагать здесь произношение *ѣ* как *и*. Несомненно, *ѣ* произносится как *е*; поэтому закономерны взаимные мены *ѣ* и *е* в самых разнообразных положениях и словах. Наличие *ѣ* в слове Кѣв указывает на произношение этого слова с звуком *е* „Кеев“. Такое произношение слова Киев известно в переходных и южно-русских говорах современного русского языка. Взаимная мена *е* и *и* (имеем ввиду только ударенный слог) — явление, отмеченное как в письменности, так и в живых говорах, имеет спорадический характер.

Замена *е* через *и* встречается чаще и известна с памятников XIV в.; обратная мена *и* на *е* — реже, но и ее неоднократно отмечали исследователи. Акад. А. И. Соболевский в „Очерках...“<sup>1</sup> и в „Лекциях“<sup>2</sup> дает примеры подобной мены в памятниках псковских и новгородских. Многие говоры современного русского языка знают подобную мему в некоторых словах, например: „квартира“, „фатера“, „мундер“, „каврѣна“ и т. п. В некоторых говорах зарегистрировано и произношение „Кежива“, „Кеев“. Это — южно-русские и переходные говоры.<sup>3</sup>

Надо отметить, что *и* в повести о Басарге, которая следует за „Сказанием“ и входит в первую тетрадь, два раза встречается написание „Кѣв“ наряду с „Киев“. Все три текста первой тетради, переписанные одним почерком, имеют несколько общих особенностей — это, во-первых, написание на концах и в середине слов *ѣ*, а не *ѣ* (в тексте „Сказания“ *ѣ* употреблен всего три раза), которое следует считать графической особенностью, так как, судя по употреблению, для писавшего существовал один знак, который в середине слов ставился для обозначения мягкости или как знак разделительный; на концах же при частом написании конечного согласного (независимо от мягкости или твердости его) наверху строки, он представлялся традиционным, не обозначающим мягкости или твердости. Во-вторых, несколько черт, характеризующих живое произношение. Это мена *и* на *е* в заударном положении (только Владимир, Дмитрий, тритцеть), несколько единичных случаев проявления аканья („с трифаном л. 2, „астался“ л. 113, слово „богатырь“ чаще „багатырь“) и несколько других совпадений. Но все это слишком шаткий материал, чтобы строить какие-либо предположения о том, что представляли собой тексты, с которых была переписана первая тетрадка сборника Барс. 1463. „Сказание о киевских богатырях“ отличается от дру-

<sup>1</sup> Очерки по истории русского языка. Киев, 1884, стр. 148.

<sup>2</sup> Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 84—85.

<sup>3</sup> См., например, „Живая старина“, 1906, в. 1, стр. 99; материалы экспедиции

тих двух произведений наличием большего количества отступлений от обычной орфографии, более резким проявлением диалектных особенностей; это закономерно и обусловлено тем, что оно представляет собой запись устного произведения. И возможно, что вся первая тетрадь была скопирована цел и ликом с такой же или подобной тетради, но в которой впервые было записано „Сказание“. Остановимся на наиболее характерных языковых особенностях текста.

В „Сказании“ значительно больше черт, которые характеризуют северные говоры. Случаи аканья в нем единичны: астался“ стр. 29, „без ведама“ стр. 36; постоянно встречающиеся в тексте слова: „богатырь“ и „богатырский“ значительно чаще написаны с „а“ в первом слоге: „багатырь“ (но это слово едва ли может служить достаточным показателем, так как и в памятниках северных говоров оно встречается иногда с *a* в первом слоге и, наоборот, в памятниках из области акающих говоров встречается с *o* в первом слоге). Имя собственное „Алеша“ значительно чаще дано с *o* (оно не может служить достаточным показателем по тем же основаниям, что и слово „богатырь“). Черты оканья, таким образом, сильнее, но и самая орфографическая система — система окающая.

Приставка „роз“ — только в форме „роз“: „розежалися“, „розкручинялся“ стр. 22,<sup>1</sup> „розпрошать“ стр. 24, „розсытиааетца“ стр. 32. И хотя в древней письменности приставка „роз“ употребляется почти так же часто, как и приставка „раз“ (— рас), но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это за немногими исключениями памятники из области северных говоров.<sup>2</sup>

Оканье проявляется в „Сказании“ и в окончаниях прилагательных. В тексте в род. пад. ед. числа муж. и ср. р. преобладают окончания *ovo* и *ogo*: „бѣлово“ стр. 6, „красного“ стр. 7, „великого“ стр. 17, 23, „киевского“ стр. 17, „одново“ стр. 6, 40, „младово“ стр. 38, „другово“ стр. 40; обычное книжное — *ago* встречается в „Сказании“ довольно редко: „перепускнаго“ стр. 7, „добраго“ стр. 32; *ч* — мягкое, так как во всех случаях после *ч* стоит *ю*: „жемчюгомь“ стр. 4, „всеслаевичю“ стр. 6, 3, 9, 40, 41, „поповичю“ стр. 22, „скачют“ стр. 30, „хочю“ стр. 14, „встрѣчю“ стр. 8, 34 и т. д. О мягкости *ч* говорит и написание „по обычею“, хотя мы ждали бы здесь „по обычаю“, так как слова „учали“, „почали“ во всех случаях написаны с *a*. С *a* написаны и другие слова: „поповича“ стр. 21, „по рѣчамь“ стр. 16, „издалеча“ стр. 26, и т. д.

Трудно сказать что-либо о *ш* и *ж*, так как постановка гласных после них ничем не отличается от обычной книжной. Отметим, что слово „залѣшанин“, — только с *a* после *ш*; также *a* и в слове „слышали“; после *ж* находим *ю* в словах „мужю“ стр. 36, „нажюрить“ стр. 20. Надо отметить *т* в infinitiv'e глаголов с основами на заднеязычные: „стеретчи“ стр. 5, 8, „поберетчи“ стр. 6, и замену *т* через *ч* в слове „чечьим жемчюгомь“ стр. 4.

В тексте нет ни цоканья, ни чоканья, за исключением слова цепь: „на чепях“ стр. 25. Но слово „цепь“ не может считаться показателем чоканья, так как встречается в этой форме часто и в московских памятниках (напр. Духовных: Ивана Калиты, Дмитрия Ивановича и т. д.), в которых отсутствует чоканье; встречается и в летописях Ипатьевской

<sup>1</sup> Цитация „Сказания“ дается по изданию — П. К. Симион, в Сборнике ОРЯС, т. С, № 1, П., 1922; поэтому и в дальнейшем будет даваться только указание на страницы.

<sup>2</sup> См. цитацию с приставкой „роз“ — „рос“ в „Материалах...“ Срезневского, т. III, стр. 147—160 и стр. 165—175 (имеем в виду памятники XV—XVII вв.).

и Лаврентьевской. В слове „сбруя“ находим раз „здебрую“, второй „збрую“. Надо отметить и диалектные формы имен собственных — Владимир Всеслаевич, Косытянтин, а также формы наречий: „толды“ и „колды“, „нынеча“.

Из морфологических особенностей наиболее яркими являются окончания прилагательных, на которые мы указали, говоря о проявлении оканья. Это окончания род. пад. ед. числа муж. и ср. рода на *ого* и *ово*: „бѣлово“ стр. 6, „одново“ стр. 6, „другово“ стр. 40, „великого“, „киевского“ стр. 17, „красного“ стр. 7 и т. д. Именительный пад. м. р. ед. ч. на *ой*: „славной“ стр. 19, „всякой“ стр. 40; именит. пад. мн. числа — *ые* и *ыя*: „богатыри недобрыя“, стр. 8, „палицы вязовые“ стр. 11, „вѣсти прямые не измѣнные“ стр. 13, „сряды богатырския“ стр. 14, „калики перехожия“ стр. 10, 24, „калики перехожие“ стр. 17, „каличные гласы“ стр. 16, „лошади царския“ (2 раза) стр. 24, „простые лошади“, „богатырские лошади“ (3 раза) стр. 24 и 25. В окончаниях существительных живы еще старые формы. Так, в сущ. муж. рода с мягкой основой сохраняется окончание — *ем* в дат. мн. числа; в тексте мы находим только: „богатырем“, „своимъ товарищемъ“. Единственным отступлением является: „идуть к своимъ добрымъ конямъ“. В женском роде дат. пад. мн. числа и „к речем“ стр. 15, и „по рѣчамъ“ стр. 16; тв. пад. м. р. мн. ч. „сторожеми“ стр. 3, „сторожами“. Отметим и местоимения „тобя“, „собя“, „тобѣ“, „собѣ“ наряду с „тебя“, „себя“, „тебѣ“, „себѣ“.

Из глагольных форм наиболее последовательным в тексте является *infinitiv* на *ти*: „изгубити“ стр. 2, „отехати“ стр. 6, „класти“ стр. 6, „ждати“ стр. 8, „покинути“ стр. 6, „молитися“, „быти“ стр. 33, „стеретчи“ стр. 5, 8, „поберетчи“ стр. 6, и т. д., хотя встречается и *infinitiv* на *ть*: „жить“, „слыть“ стр. 3, „стоять“, „чинить“ стр. 12, „отвѣдывать“ стр. 13, но редко. Прошедшее время в „Сказании“ — это *perfekt* без связки, за исключением пяти случаев: 1) 2-го лица множественного числа: „и вы б нынеча никуды не розежались берегли бы естя града киева“ стр. 2; 2) 1 лица мн. числа: „А похвалу есми видели твоих богатырей“ стр. 35; „а грубили есмя твоему недругу царю Костянтину... убили есмя у него со 42 богатырей“ стр. 40, „и молвили есмя...“ стр. 43.

В первом случае „*естя*“ сохраняется потому, что в обращении оно поддерживается традицией; традиционное обращение с „*естя*“, „*еси*“ мы находим и в „Сказании“, когда „*естя*“ уже утратило свой смысл связки: „ой *естя* богатыри илья муромецъ с товарищи не пригож вамъ в тѣ поры проч отехати“ стр. 5—6; „говорить илья муромецъ своимъ товарищемъ: *государи естя* мои товарищи, чѣмъ тѣх богатырей на собя ждати“... стр. 8.

Несмотря на незначительность отразившихся в „Сказании“ особенностей произношения, можно высказать предположение, что они не характерны для памятников московских, хотя в числе их и есть случаи аканья. Московские памятники в окончаниях прилагательных род. п. м. и ср. р. в ед. ч. обычно имеют — *ова*, — *ава*, а не — *ово*, — *ого*, как в „Сказании“; обычна в них приставка — *раз*, а не *роз*: *infinitiv* на — *ть*, а не — *ти*; после шипящих в безударном положении *e*, а не *a* — учили, слышали, а не учали, слышали; наконец, *infinitiv*: поберетчи, стеретчи в „Сказании“ указывает на произношение, не свойственное московскому говору, поскольку он отразился в письменных памятниках.

Решающим в данном случае представляется вопрос о лексическом составе памятника. В „Сказании“ есть слова, давно обратившие на себя внимание исследователей: это „шкапа“ и „шата“. К ним прибавим несколько других. Слово „шкапа“ — польское *szkapa* употреблено в „Ска-

зани“ в обычном значении — кляча, лошаденка; „дарь велѣл вывести свои лошади царския; говорят калики переходя: лутче тѣх шкап в Кѣве и простые лошади“ стр. 24. В тексте XVIII в., более близком к тексту XVII в.,<sup>1</sup> также находим слово „шкапа“: „что изговорить ильа муромѣць: у нас во градѣ Киевѣ у простых людей лутче шкапы етѣхъ, что вы нам кажете, а во градѣ киевѣ на богатырских коней пристрашно и смотреть“ А. 113. В так называемом Буслаевском тексте нет этого слова, так как выпущен эпизод с показом царских лошадей (показывают только богатырских лошадей). Оба текста дают его в конструкциях живой разговорной речи. У Срезневского в „Материалах...“ слова „шкапа“ нет, а в картотеке Древне-русского словаря ИРЯ АН СССР имеется только одна цитата с этим словом из „Сказания“.

Откуда попало слово в „Сказание“? в результате польского влияния, как утверждает А. В. Позднеев,<sup>2</sup> на основании слова „шкапа“, датирующий „Сказание“ 1610—1620-м годами? В записях былин XVII в. часто встречаются слова, отсутствующие в других письменных памятниках, и обычно это слова живого разговорного языка. Из живого разговорного языка попало в „Сказание“ и слово „шкапа“. О его употребительности и понятности в живом языке говорит и текст XVIII в., в котором оно стоит в другой фразе. Но понятно и известно это слово было гораздо раньше XVII—XVIII вв. В Псковской I летописи под 1471 г. мы находим слово „шкабат“ с тем же значением: „Приеха князя великого бояринь..., а с ним человек 100, повѣстуй: приѣхав, сказывается, отъ великого князя силы; и привезе съ собою *шкабатов*, *клячь Новгородскихъ*, съ княю полону, и всѣ Псковичемъ распрода, а друзии по волости“.<sup>3</sup> Приведенная цитата говорит об употреблении слова „шкапа“ — „шкабат“ в Пскове и Новгороде. Кроме Псковской летописи и „Сказания“, в других памятниках это слово не встречается. Но слово „шкапа“ или „шкаба“ широко известно в современных говорах: оно отмечено у Даля, в „Опыте областного словаря“, в словаре Бурнашева, Миртова, в различных диалектных записях (Смоленских, Псковских, Донских, Украинских, Воронежских, Терских, Кубанских и других). Поэтому едва ли можно сомневаться в том, что мы имеем дело со словом диалектным и очень старым.

Слово „шата“, как имя собственное для богатыря, есть только в тексте „Сказания“ XVII в., в двух текстах XVIII в. оно заменено в одном случае именем „Глапит“, в другом — „Глазыничь“. Слово „шата“ — польское *szata* — платье, одежда, плащ, встречается в нашей письменности редко и в памятниках западно-русских. Одно из употреблений мы находим в Густинской летописи под 1505 г., другое в „Записи о Ржевской дани“ после 1479 г.; „И тои Бурець шаты обралъ, шубу кунью взялъ за осмь копъ“;<sup>4</sup> „Во первых вьнегда Татарский посель до Москвы приѣха, тогда самъ князь со всѣми своими бояры должен баше противу ему изыти пѣшо на милоу, безъ шаты“<sup>5</sup>

Позднее с этим словом мы встречаемся уже в XVIII в. в „Записках“ Порошина. Очевидно, только на западе — в Псковской или, что менее вероятно, Новгородской земле мог быть герой „Шата Елизыничь“ (имя дано по тому же типу, что седьмому богатырю, которого зовут „белая

<sup>1</sup> Рукописный сб. № 1. 27. 105, находящийся в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

<sup>2</sup> Старинная русская повесть. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 175.

<sup>3</sup> Псковская I летопись. — Полн. собр. русск. летописей, т. IV, СПб., 1848, стр. 240. См. цитацию у Срезневского, „Материалы“, т. III, стр. 1596

<sup>4</sup> Полное собрание русских летописей, т. XI, стр. 233, см. цитацию у Срезневского, т. III, стр. 1583.

<sup>5</sup> Сборник Муханова, № 29, СПб., 1866.

палица“). В современных говорах слово „шата“ в значении „одежда“, „дорогая одежда“ известно в западных и южных областях. Оно указано у Даля, в „Опыте областного словаря“, у Добровольского (Смоленский областной словарь).

В тексте Сказания XVII в. есть еще несколько слов, которые на первый взгляд не привлекают к себе пристального внимания, но тем не менее оказываются очень значительными в решении вопроса о локализации памятника.

Перед началом битвы с цареградскими богатырями Алеша Попович обращается к своим товарищам со следующими словами: „дайте мнѣ теперво с ними одному *потравитися*, хочю себе похвалу доспѣти“. Слово „потравиться“ отсутствует в имеющихся словарях (есть слова „потрава“, „потравить“, но с другим значением), а в картотеке Древнерусского словаря в этом значении оно представлено единственной цитатой из Псковской I-й летописи: „Наши воеводы пришли съ Лукъ, князь И. Шуйской да И. Шереметьевъ меншей, подъ люди, и литовскія люди, свѣдавъ нашихъ и нарядъ отпустивъ да шли нашихъ людей искати и сошлись съ нашими под Вельемъ, и *потравилися* наши съ ними немного да отпустивъ пошли прочь“.<sup>1</sup> В текстах XVIII в. на месте „потравитися“ стоят другие слова. В тексте рукописи Института мировой литературы находим „переведатца“: „и говоритъ алешка поповичъ: стоите государи мои товарищи малую часть дайтѣ вы мнѣ с цареградскими богатыри *переведатца*“.<sup>2</sup> В Буслаевском тексте XVIII в. немного иначе: „и зговорить младъ алеша поповичъ своимъ товарищемъ: постойте братцы малешенко, дайте мнѣ с ними *перевѣдатца и поперетись*“.<sup>3</sup> Таким образом, слово „потравиться“ заменяется его эквивалентами, привычными и обязательными для копииста.

Чрезвычайно интересно в нашем тексте XVII в. место, когда Илья предлагает богатырям захватить лошадей цареградских богатырей: „взговорит илья муромецъ своимъ товарищемъ: теперво нам братцы *строка пришла*, отимайте лошади богатырские, убейте татар без милости“.<sup>4</sup> В текстах XVIII в. это место излагается иначе. В Буслаевском сборнике читаем: „и говорятъ промежь себя идучи: теперво намъ товарищи *пора пришла*, готовте вы свои булатные палицы“.<sup>5</sup> Текст Института мировой литературы в данном случае очень близок к Буслаевскому: „И говорятъ калики между собою речи скрываючи: теперво намъ братия *пора пришъла* готовите вы палицы булатные“.<sup>6</sup> Своеобразное употребление сочетания „строка пришла“ мы находим опять в памятнике, связанном с Псковом и Новгородом (и опять это употребление единичное). В переписке с немецким Орденом под 1519 г. читается следующее: „Да и то бы еси отъ себя магистру говорилъ: магистръ господине! почни со государя нашего недругом свое дѣло дѣлати; и нынѣ было, господине, сего лѣта тебѣ великая строка почати со государя нашего недругомъ съ королемъ свое дѣло дѣлати... ино въ обѣихъ въ тѣхъ земляхъ людей никого не было, и тебѣ было тогды в тѣ поры *великая строка* почати то свое дѣло дѣлати съ королемъ полскимъ и ты тогды того своего дѣла не почаль дѣлати“.<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Полное собрание русских летописей, IV, СПб., 1848, г., стр. 316.

<sup>2</sup> Сб. № 1. 27. 105, л. 115.

<sup>3</sup> Симони, ук. соч., стр. 53.

<sup>4</sup> Там же, стр. 27—28.

<sup>5</sup> Там же, стр. 52.

<sup>6</sup> Сб. № 1, 27, 105, лл. 113 об.-114.

<sup>7</sup> Памятники дипл. снош. Моск. гос. с немецким Орденом. Русск. ист. сб., г. 53, стр. 175, СПб., 1887.

Отметим еще несколько слов, которые дают некоторые указания на то, что „Сказание“ надо связывать с Псковской землей: „воскликала“, „грубить“, „добре“, „пригоже“. Слово „воскликала“ стоит в отрицательном сравнении „не бѣлая лебед *воскликала*“. Слово „воскликала“ заменено в текстах XVIII в. другими: „кликнула“, „прокликала“. Слово „воскликала“, отсутствующее в „Материалах“ Срезневского, в картотеке ДРС АН СССР представлено двумя цитатами: одна из „Повести о горе-злочастии“, другая, из Псковской I летописи. Горе „богатырским голосомъ воскликано“<sup>1</sup> „1637 г. Октября в I день... бысть чудо преславно въ церкви святыхъ Бориса и Глѣба, на бую, въ застѣни: вшелъ священникъ тое церкви Иоанникѣй съ ключами имати поминание родителей, аже свѣщи горять всѣ 27 свѣчъ, и он ужаснулся и тотчасъ *воскликать* людей“.<sup>2</sup> Слова „грубить“ нет у Срезневского и в картотеке ДРС АН СССР, но есть слова: „грубый“, „грубный“, „грубость“. Интересно отметить, что слова „грубость“ и „грубый“ встречаются в очень небольшом количестве памятников, и по нескольку раз в Псковской II-й летописи, например: под 1471 г.: „и хотя... отмститъ Великому Новгороду древняя нечѣсти и многа *грубости*, бывший отъ нихъ великимъ княземъ“;<sup>3</sup> или под 1480 г.: „И быше тогда въ градѣ Псковѣ князь не войский, *грубий*, токмо прилежаше многому питію и грабленію, а о граде не внимаше ни мала, и много Пскову *грубости* учини“.<sup>4</sup> В „Сказании“: „а *грубили* есмя твоему недругу царю Костянтину Благовѣрному, убили есмя у него со 42 богатырей“, стр. 40. О цареградских богатырях, с которыми хотят биться киевские богатыри, известно, что они „удалы добре не по обычаю“; богатырь Идол Скоропеевич „ростом велик добре не по обычаю“. „Добре“ — в значении „очень“ — известно в настоящее время в юго-западных, а также смоленских и некоторых псковских говорах, причем в сочетании „добре“ стоит после слова, с которым оно связано. В „Материалах“ Срезневского (т. I, стр. 583) „добрѣ“ представлено цитатами из памятников древнейшей письменности (Остром. ев., Златоструй XII в., Ефремовская Кормчая), цитатами из Миней 1096 и 1097 гг., Новгородской I летописи, а также Псковской I летописи. Слова „пригож“, „пригоже“ (князь Владимир говорит богатырям: „не *пригож* вамъ в тѣ поры проч отехати... *пригоже* вам моя вотчины поберетчи“), встречаются в Псковской I летописи: „а яз вас хошу жаловать как *пригоже*, только нам добыете челом“.<sup>5</sup> В „Материалах“ Срезневского даны и другие слова с этим корнем: „пригожай“, „пригожество“, которые иллюстрируются цитатами только из Псковских летописей.<sup>6</sup>

Приведенный выше лексический материал имеет определенную диалектную окраску и подкрепляет данные фонетики и морфологии текста XVII в. Произношение *ѣ* как *е* характерно для псковских говоров и отразилось в древнейших псковских памятниках, аканье также одна из особенностей псковских говоров. Наблюдения над псковскими памятниками обнаруживают, что традиция письменного языка, хотя и отражала аканье произношение, но только в определенных границах. Основной была окающая система, которая поддерживалась „грамотными“ писцами, а „Сказание“ записал, несомненно, „грамотный“ человек. При сопоставлении „Сказания“ с псковскими памятниками мы находим полное

<sup>1</sup> По изд. П. Симони, СПб., 1907, стр. 67.

<sup>2</sup> Псковская I лет., Полн. собр. русск. лет., IV, СПб., 1848, стр. 336.

<sup>3</sup> Псковская II лет., стр. 35.

<sup>4</sup> Там же, стр. 39.

<sup>5</sup> Полное собрание русских летописей т. IV.

<sup>6</sup> Т. II, столб. 1393—1394.

совпадение почти во всем: окончания прилагательных м. р. в им. пад. ед. ч. на *-ой*, род. п. ед. ч. прил. м. и ср. рода на *-ово*, *-ого*; колебания в написании (в одном и том же тексте) в именах собственных *о* и *а* (Олешка и Алешка, Ортем и Артем, Ондрей и Андрей и т. п.); *е* вместо *и* в заударном положении: Василей, Дмитрий, Владимир; написание сочетаний — *чю*, *-жо*, при — *ча-*, *жа-ша-*; вставное *т* перед *ч* и *ц*: поберетчи, стеретчи, протчих, неметцких, трубетцкому и т. д.; взаимная мена *ѣ* и *е*, обусловленная совпадением их в одном звуке *е*; *infinitiv* глаголов на *ти*; формы местоимений „тобя“, „собя“, наряду с „тебя“, „себя“; наречия „толды“, „колды“, „тогды, когды“<sup>1</sup> и т. д. В отдельности все эти особенности могут встречаться в памятниках различного происхождения, но в данном случае важно то, что они в совокупности характеризуют текст „Сказания“.

Весь приведенный материал дает основание для предположения, что „Сказание“ было записано в Псковской земле (не ставим здесь вопроса о происхождении и создании произведения, так как это вопрос сюжета, а не языка) в той форме, в какой оно жило здесь в устной традиции. Нельзя согласиться с Барсовым, что былинку записал кто-нибудь из турчасовцев, потому что в этом случае неизбежно было бы проявление других диалектных особенностей, определивших характер письменных памятников нашего Севера. Их нет в „Сказании“, за исключением нескольких единичных случаев, которые могут быть объяснены тем, что копия „Сказания“ сделал турчасовец. Так, о встрече семи киевских богатырей с каликами говорится: „ажно има на встрѣчю идут 12 человек“ стр. 9; дат. пад. мн. числа „има“ и сейчас живая норма говоров в Каргопольском, Пудожском и Андомском районах.<sup>1</sup> Слово „вото“: „вото вам платье свѣтлое, Дайте намь свое платье калицкое“ стр. 11, встречающееся очень редко в древней письменности (Срезневский дает две цитаты), но хорошо известное по северным говорам б. Новгородской и Вологодской губ.<sup>2</sup> Слово „сряда“ в значении „полное одяние“, „полное вооружение“: „оставляют свои добрыя коня на смугре рекѣ и все свои сряды богатырския“ (стр. 14) в настоящее время характерно для северных говоров.<sup>3</sup> Интересно и слово „гаркнуть“, которое встречается в „Сказании“ в отрицательном параллелизме: „не птички соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули богатыри богатырским голосом“, стр. 28 и 32. В „Толковом словаре“ Д. Н. Ушакова „гаркать“ и „гаркнуть“ даны с пометой „простореч.“ В „Материалах“ Срезневского этих слов совсем нет, а в картотеке Древнерусского словаря АН СССР имеется всего две цитаты: одна из рукописи № X. 3. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина — из „Книги охотничей регул“ (перевод с немецкого яз. второй половины XVII в.), а другая из актов Холмогорской и Устюжской епархии, в документе 1632 г.: „Приходили, государь, въ деревнишко мое в Семенову пересѣку жетчи дворишко мое тотъ Тить съ товарищи и я Михаила з дѣтишками своими послышали и вышли, государь, на улицу и почали гаркать“.<sup>4</sup> В данном случае мы встречаемся с тем, что в фольклорном памятнике впервые зарегистрировано слово, хорошо известное в современном живом языке. В „Сказании“ 4 раза повторяется

<sup>1</sup> См. материалы экспедиции ИЯМ АН ССР, 1937—1939 гг. (например, 1939 г. дер. Юозеро: „роспределяют има корму скоко надо“ и т. д.).

<sup>2</sup> См. Псковские летописи (Полное собрание русских летописей, т. IV) и Псковские документы в „Актах, относящихся к истории Западной России“ в „Трудах Псковского археологического общества“ и т. д.

<sup>3</sup> См., например, у Даля, в „Дополнениях к опыту областного словаря“, СПб., 1858; в Материалах экспедиций ИЯМ АН 1938 и 1939 гг.

<sup>4</sup> Русская ист. библ., т. 25, стр. 126—127.

приведенная выше фраза, но 2 раза вместо „гаркнуть“ стоит „крикнули“: „свиснули крикнули богатыри богатырским голосом“, стр. 32. Вполне вероятно, что „гаркнуть“ могло быть внесено тем турчасовцем, который копировал „Сказание“, так как в письменности, особенно в отношении к былинам, чрезвычайно редко копия является точной; здесь обычны замены, которые делает переписчик на основании своего языкового опыта: он вносит поправки, дополнения или делает сокращения.

Таким образом, на основании приведенных материалов мы в праве предполагать, что оригинал „Сказания“ был записан в Псковской земле, а позднее был скопирован кем-либо из турчасовцев. Вполне вероятно, что это и был Елизар Каменев, который переписал „Путник“ Коробейникова и повесть о Басарге.

Является ли „Сказание“ записью устного произведения или это книжное произведение, составленное на основе былии? Вторая точка зрения после анализа „Сказания“, данного В. Ф. Миллером в его „Очерках“, стала общепринятой. Она развернута и в последней работе о „Сказании“ А. В. Позднеевым. Но правильной является безусловно первая.

Опровергая А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова и всех, кто считал „Сказание“ записью, В. Ф. Миллер дает анализ языка и стиля (который был приведен нами выше), но основные свои возражения он строит на анализе содержания, тенденции произведения. Нам представляется ошибочной отправная точка рассуждений В. Ф. Миллера и М. Г. Халанского, так как они исходят из противопоставления содержания и тенденций фольклора XIX—XX вв. „Сказанию“ — памятнику конца XVI—начала XVII в. В XIX—XX вв. мы знаем только крестьянскую былинную, крестьянский фольклор, тогда как в XVI—XVII вв. носителями устного творчества были не только крестьяне, а почти все классы и классовые прослойки общества, и они вкладывали в фольклор свою лепту. Фольклор XIX—XX вв. — это результат сохранения своего, крестьянского, наиболее актуального, и результат отбора из того общего фонда, который был очень широк и богат и, в то же время, очень доступен, благодаря профессиональным бродячим сказителям, певцам, результат обработки этого отобранного материала в духе своих идеалов, своих тенденций. Поэтому нельзя решать вопрос о том, является ли „Сказание“ произведением устного творчества, исходя из его тенденциозности и из того, что оно не сохранилось в изустной передаче. Очень многие произведения фольклора умерли. Умерло и „Сказание о киевских богатырях“, может быть, именно по причине своей тенденциозности. Едва ли можно согласиться с В. Ф. Миллером, что „Сказание“ не было популярным. Три текста „Сказания“ утверждают обратное, так как из пяти текстов былии, записанных в XVII в., только три имеют по несколько вариантов в письменности.

Изучению подлежат классовая сущность „Сказания“ и вопрос о том, в какой среде сложилось и жило оно как устное произведение. Однако, основания для доказательства устного или книжного происхождения „Сказания“ надо искать не только в его идеях и содержании, но и в композиции, стиле, языке его.

Все исследователи, утверждавшие, что „Сказание“ — произведение книжное, говорили о его „былинном складе“, о сильной „эпической традиции“, устанавливая эту эпическую традицию на основе записей XIX—XX вв. Они и с к л ю ч а л и все то, чему не находили соответствия в записях современных. Но, как ни крепка эпическая традиция (300—350 лет — срок огромный, богатый общественными сдвигами, отражавшимися в сознании и языке), изменения в ней должны были быть и были.

В. Ф. Миллер говорит, что язык многих мест в „Сказании“ это язык „московских дьяков“, потому что сходные конструкции и обороты встречаются в деловой переписке, в различных документах XVI—XVII вв.

Но это общий язык эпохи, а не только „московских дьяков“, язык гораздо более широких общественных слоев, чем это утверждает В. Ф. Миллер. В памятнике XVI—начала XVII в. (текст в сб. Барс. 1463 середины XVII в. является копией с более раннего) мы и должны найти язык XVI—XVII вв., а не современный нам язык.

„Сказание“ построено так, как построено большинство известных нам былин: действие начинается в Киеве, откуда выезжают на подвиги богатыри. Потом, совершив подвиг, они возвращаются туда же, и князь их „жалует“ — в записях XIX—XX вв. это „золота казна“, „добры кони“, „города и пригородки“ и т. д., в „Сказании“ — „шубы подасамиты“ (аксамиты), „чепи великие золотые“ и „казна несметная“ (т. е. подарки указаны более конкретно и в соответствии с представлениями XVI—XVII вв. о „жалованье“). „Сказание“ — это первый, самый старый памятник, в котором мы находим совершенно последовательно, буквально так же, как в современных записях былины, построение на диалогической речи с обязательной формулой „говорит... таково слово“, и „взговорят таково слово“. Если бы автор „обрабатывал“ устное произведение в духе книжном, если бы он создавал книжное произведение, то естественно воспользовался бы привычной и обязательной письменной формулой: „и рече“;<sup>1</sup> так именно поступил автор записи или копии былины о Ставре в середине XVII в.<sup>2</sup>

Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер дают текст „Сказания“ или его отрывки, располагая их стихами. Это возможно именно потому, что перед нами устное произведение с типичным для него параллелизмом построения. В „Сказании“ мы находим очень многие из „общих мест“, хорошо известных нам по записям XIX—XX вв. Седлание коней и вооружение: „учали на них класти седла черкаские || подтягивают подпруги шелку бѣлово || у всѣх пряжи булатные || красного булату перепускнаго || да кладут на себя доспехи крѣпкия || емлютъ с собою палицы булатныя || Того булату перепускнаго и всю свою здбрую богатырскую“ (стр. 6—7).

#### Похвальба цареградских богатырей:

„хотят кѣвѣь город на шити взяти  
великого князя с великою княгинею в полон вести  
а удалых богатырей станных людий  
под мечь всѣх приклонити  
а злато и сребро покатим телѣгами“ (стр. 13, 20—21).

#### Описание внешности Идола Скоропеевича:

„а ростом (велик) добре не по обычею  
меж очима у него стрѣла ладится  
меж плечми у него болшая сажен  
очи у него как чаши  
а голова у него какъ пивной котел  
посмотрить на него устрашитя“ (стр. 17—18).

<sup>1</sup> Окаменевшая форма аориста „рече“ перед прямой речью, характерная для всех книжных светских произведений и переделок XVII в., постоянно встречается и в повестях XVIII в., например „О российском матросе Василии“, „Александр российский дворянин“ и др.

<sup>2</sup> См. публикацию А. И. Соболевского в Известиях ОРЯС, СПб., 1911.

## Сила свиста богатырей:

„от свисту и от крику лес розсытилаецца  
 трава постилаецца  
 добрыя кони на окарашки падають  
 худыя кони и живы не бывали“ (стр. 32).

В „Сказании“ находим „Iosi somnipes“, которые характерны для более старых записей. Просьба матери Тугарина Змиевича:

„не белая лебед воскликнула  
 восплакалася мати Тугарина змиевича“ (стр. 37).

Ср. в записях песен и стихов на столбцах конца XVII в.:

„далеко было во чистом полѣ  
 не бѣла лебед кликнула  
 во высоком теремѣ восплачется красна девица“.<sup>1</sup>

или „как бы<sup>1</sup> бела лебедушка по заре она прокликнула говорила царица царю Марья Темрюковна“.<sup>2</sup>

Илья Муромец, сообщая о гибели цареградских богатырей, говорит царю Константину: „похвала мужю — великая пагуба“; ср. в „Повести о горе-злочасти“: „похвала живет человеку пагуба“;<sup>3</sup> или в Сборнике Кириши Данилова: „топит тебе молодець похвалба твоя пагуба“.<sup>4</sup> Мы не приводим здесь соответствий из записей XIX—XX вв., так как это хорошо известные Iosi somnipes, встречающиеся во многих былинах. Укажем еще строгий параллелизм, встречающийся в „Сказании“ два раза:

„не птички соловьи рано в дубраве просвистали  
 свиснули гаркнули богатыри богатырским голосом  
 да свиснули палицы булатные  
 у Ильи Муромца с товарищи“ (стр. 28 и 32).

Здесь необычно лишь соединение первого стиха с последующими, так как в записях XIX—XX вв. тоже постоянно встречается сочетание: „свиснула молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом“.

В „Сказании“, произведении небольшом по объему, мы находим очень многое из того, что является неотъемлемым и характерным для фольклора XIX—XX вв. Не только приведенные „общие места“ составляют „эпическую“ часть „Сказания“, оно все в целом входит в эпическую традицию. Кроме „общих мест“, составляющих обязательный запас повествовательных средств у носителей устного эпоса и входящих во многие былины, характерной особенностью фольклора являются твердые фразы и сочетания, постоянно повторяющиеся на протяжении всего произведения. Одни из них входят в общий фонд фольклора, другие — характеризуют стиль сказителя. Традиционность и твердость этих фраз и сочетаний обусловлена тем, что в устном произведении найденный стих или часть его закрепляется повторением. Вот несколько примеров из „Сказания“:

„и всѣд на кони проч поѣхали из кѣва“ (стр. 7);  
 „и всѣд на кони проч из града поѣхали“ (стр. 29);  
 „взговорят промеж собою такову пословицу“ (стр. 7);

<sup>1</sup> Гос. Ист. музей, фонд № 253, един. хран. 39, № 65.

<sup>2</sup> Сб. Кириши Данилова, СПб., 1901 г., стр. 18, а также А. Марков „Беломорские былины“, М., 1901, стр. 331 и т. д.

<sup>3</sup> П. К. Сямони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII вв., в. VII, СПб., 1907, стр. 38.

<sup>4</sup> Там же, стр. 126.

- „да говорят меж собою пословицу“ (стр. 15);  
 „взговорили богатыри промеж собою такую пословицу“ (стр. 27);  
 „а сказывают что удалы добръ не по обычею“ (стр. 9);  
 „а ростом велик добре не по обычею“ (стр. 17);  
 „а всѣ тѣ кони удалы добре не по обычею“ (стр. 25—26);  
 „увидели что добры не по обычею“ (стр. 26).

И даже фразы, включенные В. Ф. Миллером в число тех, которые характеризуют „язык, которым писались грамоты московскими дьяками“, <sup>1</sup> построены по принципу синтаксического параллелизма и повторяются по несколько раз:

- „мы тебѣ государю прямыя вѣсти отвѣдаем  
 и приведем тебѣ государю языка добраго“ (стр. 2);  
 „мы тебѣ государю прямыя вѣсти отвѣдаем  
 или тобѣ приведем языка добраго“ (стр. 5);  
 „ходили мы прямых вестей отвѣдывать“ (стр. 12—13) и т. д.

Таким образом, характерные черты стиля устного эпоса — „общие места“, повторяющиеся твердые фразы и сочетания, а также синтаксический параллелизм — являются основой „Сказания о киевских богатырях“. Но одно это еще не решает вопроса. Язык „Сказания“, его отношение к языку XVII в. и к языку фольклора в записях XIX—XX вв. в данном случае имеет особое значение.

Исследователи (А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер) указывают на то, что начало текста XVII в. „Сказания о киевских богатырях“ дефектно: в нем, якобы, отсутствует „зачин“, изображающий пир у Владимира. Утверждает их в этом мнении и все начало былины, так как в нем дублируется просьба богатырей отпустить их в „чистое поле“. В Буслаевском тексте XVIII в. „Сказания“ этот зачин есть, что также было основанием для мнения, что в Барсовском он утрачен; но во втором тексте XVIII в. (ркп. Инст. мировой литературы) этого зачина тоже нет. Отсутствие зачина в двух текстах и большая близость к былевому стиху Барсовского списка говорят о том, что в Буслаевском тексте зачин приставлен при переписке и одновременной переработке произведения. Далеко не все былины начинаются с пира у Владимира (вероятно, он позднее стал таким обязательным зачином). Несомненно, копия в Барсовском сборнике № 1463 точно воспроизводит оригинал. Об этом говорит орфография начала, в особенности написание *кѣв* и *киев*, встречающаяся как в заглавии, так и в начале текста и связывающая его со всем произведением.

Некоторая путаница в начале текста (два раза повторяется разговор князя Владимира с богатырями: до перечисления богатырей и после него) объясняется отнюдь не тем, что перед нами плохая или дефектная копия, или тем, что слагатель Сказания был „рядовой книжник“, „простодушный грамотей“, не сумевший дать связного пересказа былины или своего сочинения (конец „Сказания“, представляющий собой пересказ, прозаизованную передачу былины, говорит совсем обратное: „слагатель“, как его называют, владеет не только „былинным складом и ладом“, но и языком светской литературы), а тем, что „Сказание“ представляет собой запись устного произведения, вероятно, сделанную не самим сказителем, а слушателем, хорошо знавшим текст, и тем не менее „не успевавшим“ за устной передачей. Этим объясняются и перестановки, например:

<sup>1</sup> В. Миллер, Очерки..., т. II, М., 1910, стр. 129.

„тут богатыри закручинилися  
идуть к своим добрым коням  
ударя челом великому князю владимеру всеслаевичу  
учали на них класти седла черкаские“ (стр. 6),

несомненные пропуски, а в конце пересказ, данный в формах книжной речи.

В. Ф. Миллер видит в начале „Сказания“ (текст XVII в.) язык „грамот московских дьяков“. Но здесь нет ничего, что выходило бы за рамки общих форм живого языка и встречалось бы только в грамотах. Начало Барсовского текста ближе к живой разговорной речи, чем тексты „Сказания“ XVIII в.: „или то вамъ несвѣдомо богатыремъ что отпускает на меня...“ (стр. 1), „то вамъ богатырямъ ведомо ли что отпускает на меня царь ис царя града“... (Бусл., XVIII в., стр. 49), „буди вамъ моимъ богатыремъ ведамо, что на меня отпускает“ (ркп. Института мировой литературы, л. 105 об.)<sup>1</sup> Об этом говорит слово „несведомо“ и порядок слов в следующем за ним придаточном предложении: „отпускает на меня...“ В тексте XVIII в. форма „буди ведамо“ прямо указывает на „обработку“: именно она встречается в грамотах.

Даже фразы, в которых стоит глагол в старой форме *perfekt'a* со связкой, представляют собой былинные стихи, которые довольно легко узнать по цезуре и дактилическим окончаниям:

„и вы бы нынеча никуды не розежались  
берегли бы естя града киева“ (стр. 2).

Это особенно ясно из сопоставления с текстами XVIII в.: „и вамъ богатырямъ накрѣпко стоять столного града киева отезду никакова не учинить никуды себѣ...“ (Бусл. XVIII в., стр. 49); „и вы нынѣча никуды на битвы не разеждяетесь и ни на которую потеху берегите моего града киева“ (XVIII, 2, л. 106).

Богатыри просят отпустить их в „чистое поле“:

„мы тебѣ государю прямые вѣсти отвѣдаем  
и приведем тебѣ государю языка добраго  
тебѣ государю славу великую учинимъ  
и себя государь в честь введемъ  
и всему твоему государству похвалу великую учинимъ  
и многия орды острастимъ“ (стр. 2—3).

Все это В. Ф. Миллер считает образцом языка московских дьяков. Выше, говоря о повторяемости твердых фраз в былинке, как принципе ее композиции, мы уже приводили процитированное место. Первые две фразы повторяются в тексте сборника Барс. 1463 3 раза (стр. 2—3, 5, 12—13). Их нельзя считать характерными только для языка грамот. Едва ли это язык московских дьяков. А фразы „тебѣ государю славу великую учинимъ и себя государь в честь введемъ“ следует сопоставить с известной фразой в „Слове о полку Игореве“:

„ищучи себе чти, а князю славу“.

Мы в праве предположить, что в данном случае — это формула, которая и повторяется, несколько варьируясь, на 21 странице:

<sup>1</sup> Далее мы будем указывать страницы по публикации П. Симони для Барсовского текста (только страницы) и для Буслаевского текста с пометой: Бусл. XVIII в. стр., а для рукописи Инст. мировой литературы: XVIII, 2, листы рукописи.

„тебѣ государю прибыл и славу добрую  
во вся орды а себя в честь введем“.

Эти фразы отсутствуют в текстах XVIII в., представляющих собой книжную обработку „Сказания“, потому что для XVIII в. они являются архаизмами в смысле выражения целей и задач богатырей, а в тексте XVII в. связывают „Сказание“ с предшествовавшей ему устной традицией.

Богатыри говорят князю Владимиру:

„Сторожеми мы в землѣ не извадилис жить  
не доведетца нам сторожами слыть“ (стр. 3),

и на 5 стр.: „не извадилис мы сторожеми стеретчи  
только мы извадилис в чистом поле ѳздити побивать полки татарские“.

Эта фраза и у исследователей не вызывает сомнения в отношении ее „эпичности“, но она, собственно, ничем не отличается от предыдущей. Слова же „извадиться“ и „довестись“ — слова делового письменного языка, но языка позднего и отражающего живую речь; оба они в картотеке Древнерусского словаря АН СССР датируются XVI в., единичными цитатами.

Акад. А. Н. Веселовский уже указал соответствие в записях XIX в. для следующих стихов „Сказания“:

„не пригож вамъ в тѣ поры проч отехати  
а меня вам государя покинути  
одново в киеве“ (стр. 5—6).<sup>1</sup>

Дальнейшее изложение ведется в „Сказании“ в хорошо известных нам по записям XIX—XX вв. формах: синтаксический параллелизм стихов, отнесение на конец стиха глагола или прилагательного, стоящего после существительного. Эта твердая система нарушается изредка перестановками слов или перифразами.

Наличие в тексте „Сказания“ XVII в., даже в „общих местах“, деталей, отсутствующих в записях былин XIX—XX вв., объясняется позднейшей утратой их, потому что, обычно, эти детали касаются тех реалий, которые имеют основание в живой практике XVII в. „Красный перепускной булат“, „голубой скорлат“, „шубы подасамиты“ (аксамиты), „терлики камки венецкие“ — можно найти в самых разнообразных перечнях и описаниях XVI—XVII вв., тогда как для XVIII в. они становятся архаизмами, а в XIX в. исчезают даже воспоминания о них.

„Сказание“ (текст XVII в.) отличается от письменных памятников XVII в. чрезвычайным обилием слов: 1) встречающихся только в памятниках деловых, бытовых, и 2) наличием слов с резкой диалектной окраской, а поэтому либо совсем не зарегистрированных письменностью в XVI—XVII вв., либо встречающихся в ней только в записях фольклора (мешкать, кручинovat, стерпчивы, закручинился, охочь, ладится — „меж очима у него стрела ладится“, прытость, нажурить, гаркнуть, и т. д.). Эти слова проникают в письменность либо через записи фольклора в XVII—XVIII вв., либо в единичных случаях через памятники, отражающие бытовые, диалектные черты; поэтому почти все перечисленные слова обычно отсутствуют в „Материалах“ Срезневского, а в картотеке Древнерусского словаря АН СССР представлены единичными цитатами.

По отношению к записям былин в XIX—XX вв., мы находим в „Сказании“, — даже в привычных твердых сочетаниях, элементы,

<sup>1</sup> А. Н. Веселовский. Южно-русск. былины, X, СПб., 1884, стр. 367.

связывающие его с более древней традицией, например „общее место“, в котором говорится о похвальбе цареградских богатырей:

„хотя кѣвъ город на шити взяти  
великого князя с великою княгинею в полон вести  
а удалых богатырей станных людии  
и под мечь всѣхъ приклонити  
а злато и сребро покатымъ тельгами“ (стр. 13);

в современных записях обычно: „взять эи щитом“. Сочетание с предлогом *за*, является позднейшей формой, так как постоянно встречающееся во всех летописях с древнейших времен сочетание: „взять на щит“. Эту более старую форму мы и находим в „Сказании“.

Цареградские богатыри похваляются — богатырей, воинов „под мечь всѣхъ приклонити“ (стр. 13), и далее (стр. 21) грозят, что быть всем „богатыремъ и удалым молодцом под мечь поклониты мь“. Эта фраза находит себе соответствие в „Слове о полку Игореве“: „Тѣми тресну земля и многы страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужны“. Очевидно, и здесь мы имеем дело с твердым фразеологическим сочетанием, которое позднее исчезает.

Цареградские богатыри говорят: „и всем в киеве учиним сѣчю великую“ (стр. 21); Алеша Попович повторяет эти слова: „И учините сѣчь великую“, и прибавляет: „а покатыца головы татарския а пролетца кровь горячая богатырей цареградцких“ (стр. 22). Обычное сочетание летописей „учинилась сеча (зла люта)“ входит в былинный стих, потому что это форма живого языка (в „Сказании“ постоянно употребляется глагол „учинить“, „учиниться“ в значении „совершиться“, „сделаться“, „сделать“, и в более широком значении, как и во всех памятниках XV—XVII вв.).

Фраза Ильи Муромца в ответ на сообщение калик о похвальбе цареградских богатырей вызвала у В. Ф. Миллера возмущение: „Таким приниженным языком служилого московского человека, пишет он, говорит богатырь, который в былинах стоит за Киев не ради князя и княгини, а ради вдов, сирот и божьих церквей!“<sup>1</sup>

„слышите ли мои товарищи  
за то хочю голову сложить  
за государеву чашу и молитвы  
и за его хлѣб соль великую“ (стр. 14).

Но почему это „приниженный“ язык именно московского служилого человека? Твердое сочетание „положить голову“ (за кого?), встречающееся во всех летописях постоянно, — формула преданности и верности, а не приниженности. Едва ли следующие за ней слова „за государеву чашу и молитвы и за его хлѣб соль великую“ выражают эту приниженность. В „Повести временных лет“ под 1078 г. рассказывается как Изяслав говорит, обращаясь к Всеволоду: „ты мнѣ еси братъ а я тобѣ и положю главу свою за тя еже и быс(ть)“.<sup>2</sup> В Лаврентьевской летописи под 1177 г.: „всташа бояре и купци, рекуще: „княже! мы тобѣ добра хочемъ; и за тя головы своѣ склады-ваемъ, а ты держишь врагы своѣ просты“.<sup>3</sup> В Ипатьевской под 1282 г.:

<sup>1</sup> В. Миллер. Очерки... II, М., 1910 г., стр. 132.

<sup>2</sup> Полное собрание русских летописей, II, СПб., 1903, стр. 194.

<sup>3</sup> Лавр. лет., 3-е изд., СПб., 1897, 365 стр.

„Литва же обѣщася ему тако сотворити и ркуче: Володимере добрый княже правдивый можемъ за ты головы своѣ сложити, коли ти любо, осе есмы готовы“.<sup>1</sup> „Сказание“ дает обычную, обязательную в современном ему языке формулу — и только. Ее отсутствие в записях былин XIX в. объясняется тем, что идеология крестьянина XIX в. отличается от идеологии того „посадского“ или служилого человека, который записывал „Сказание“ в XVI—XVII вв.

Среди вопросов, которые задают цареградские богатыри Илье с товарищами (переодетыми в каличе платье) о киевских богатырях, есть такие: „и каковы онѣ [киевские богатыри] ростом прытостью“ (стр. 18) и дальше: „есть ли у вас славной богатырь Илья Муромец каков онѣ рожаем“ (стр. 19). Слово „прытость“, как и многие другие из приведенных выше, отсутствует в известных нам письменных памятниках до XVIII в. Здесь оно встречается у Посошкова, в переводных повестях, в письмах Петра I.

„Каков онѣ рожаем“, т. е. каков он по своим природным качествам, свойствам. В Ипатьевской летописи под 1196 г. в характеристике умершего князя Всеволода Святославича говорится: „и тако спрятавше тѣло его вся братья во Олговичех племени, с великою честью и с плачем великымъ и рыданиемъ, понеже бо во Олговичехъ всихъ удалѣе рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ“.<sup>2</sup> В текстах XVIII в. вместо слова „рожаем“, уже непонятного, так как слово умерло в живом языке, в одном случае поставлено „рожею“: „каковъ онѣ рожею и ростом“ (Бул. XVIII, стр. 51), а в другом — в ответе Ильи на общий вопрос Идола — „каковъ у васъ во градъ киевъ богатырь ильа“ находим: „ростомъ он с меня великъ, а лицемъ на меня же походилъ“ (XVIII в. 2, л. 2).

Наличие в „Сказании“ элементов, которые связывают его с предшествующими ему письменными памятниками, содержащими элементы живой устной речи или элементы устного поэтического творчества, и выступают в органической и неразрывной связи с теми, которые характеризуют записи былин XIX—XX в. и современные диалекты, может говорить только об одном: текст „Сказания“ XVII в. является записью устного произведения и отражает те формы былин, которые характеризуют XVI—XVII вв.

„Книжные“ места, отмеченные исследователями в „Сказании“, имеют совсем особый характер. Вот как изображается страх цареградских богатырей перед битвой: „сердце ся у меня ужаснуло трепещеться и голова в круг обходит и очима не мощно на свѣтъ глядѣть“, говорит Идол Скоропеевич (стр. 33); Тугарин прибавляет: „большое нам товарищи коли б смерти минутис ли ся храбрость наша преложися на тихость не мощно руки поднять скоро нас страсть взяла“ (стр. 33) и далее: „учалися твердо бить и неподвижно“ (стр. 34). Акад. А. Н. Веселовский сопоставляет фразу „ли ся храбрость наша преложися на тихость“ с фразой из сербской „Александрии“: „жалость моя на радость преврати се“. Но и без этого сопоставления книжный характер фраз ясен. Славянизмы „преложися“, „минутис“, отвлеченные существительные на — *ость*, отдельно стоящая частица *ся* — все говорит о том, что автор оригинала воспользовался своим знанием книжного языка, вероятно, желая усилить краски, которыми нарисована была слабость цареградских богатырей в былине. Но вместе с этим здесь легко обнаружить и элементы живой речи автора. „Голова вкруг обходит“, — говорит Идол Скоропеевич: сочетание, очень близкое

<sup>1</sup> Полн. собр. русск. лет., II, стр. 888—889 и далее 928, 929 и т. п.

<sup>2</sup> Полн. собр. русск. лет., т. II, СПб., 1908, стр. 696.

современному просторечному „голова кругом идет“ и, очевидно, оно является его прототипом. В „Лечебниках“ и „Травниках“ XVII в. встречаются подобные сочетания: „Аще у которого человека обходить глава“...<sup>1</sup> „Тъм у ково обморокъ обходить главной“.<sup>2</sup> „Очима не мощно на свѣт глядеть“ — живое бытовое сочетание. (ср., например, „очушки на свет не глядят“).<sup>3</sup>

„Скоро нас страсть взяла“ — совершенно совпадает с просторечным „такая меня страсть взяла“ — в значении „я испугался“ (слово „страсть“ в смысле „страх“ не зарегистрировано ни в „Материалах“ Срезневского, ни в картотеке ДРС АН СССР).

Надо заметить, что частица *ся*, поставленная отдельно, встречается довольно часто в псковских летописях, например: „не удасть ми *ся* лестию взяти“,<sup>1</sup> „а товара что *ся* остало“,<sup>2</sup> „толико борзо *ся* снятися“,<sup>3</sup> и т. д.

Все описание битвы дано таким „смешанным“ языком: элементы книжного характера и в лексике и в формах теснейшим образом переплетаются с живым языком грамотного человека и с знакомыми нам фольклорными сочетаниями, например: „напустил Илья Муромецъ встрѣчу цареградским богатырем от своих товарищев в полуверствъ“ (стр. 34); „напустить“ в значении „напасть“ встречается в текстах былин об Илье XVIII в., но встречается и в Девгениевом деянии: „а храбри суть такови: единъ на сто напустить“.<sup>4</sup> Этого значения не дают другие памятники, его нет и в „Материалах“ Срезневского и в картотеке ДРС АН СССР.

Форма просьбы, с которой обращаются в конце „Сказания“ богатыри к князю Владимиру, особенно резко выражает, по мнению В. Ф. Миллера, „холопский“ „московский“ дух: „я бьет челом илья муромец своими товарищи: государь князь владимер всеслаевичь, умилосердися пожалуй нас холопей своих“ (стр. 43). Но перед нами не что иное, как общая, обязательная и всем известная формула просьбы, которой начинаются и кончаются все челобитные. Приведем в качестве примера конец из челобитной царских иконописцев 1663 г.: „Милосердый государь пожалуй нас холопей своихъ бѣдныхъ за беспрестанную нашу работишку... Царь Государь смилуйся пожалуй“.<sup>1</sup> Эта же формула встречается во всех челобитных, поданных в любой области Московского государства.<sup>2</sup> Другой формы обращения к князю, к царю не могло быть в XVI—XVI вв., и она поэтому включается в ткань произведения, тем более что в конце автор записи все чаще обращается к формам письменной речи, сокращая изложение былины.

Анализ языка текста XVI в. „Сказания о киевских богатырях“ в сборнике Барс. 1463 дает основания предполагать, что оно является устным произведением, первоначальная запись которого была сделана

<sup>1</sup> Ркп. Лечебник из собрания В. Н. Перетца (Институт мировой литературы) конца XVII — начала XVIII в., О. № 76, глава 41.

<sup>2</sup> Травник, перевод немчина Любчанина XVI в., ркп. XVII в. Гос. Ист. музей Уварова № 2192.

<sup>3</sup> Часто встречающееся выражение в говорах сев.-русск. наречия. См., например, записи экспедиции ИЯМ АН СССР 1938 г.

<sup>4</sup> А. Насонов. Псковские летописи, I. Л., 1941, стр. 138.

<sup>5</sup> Там же, стр. 145.

<sup>6</sup> Там же, стр. 145.

<sup>7</sup> М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. Петроград, 1922, стр. 150, 164.

<sup>8</sup> И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи. Временник ОИДР, кн., VII, М., 1850, стр. 51 и др.

<sup>9</sup> См., например, челобитные псковские в „Трудах Псковского Археологического Общества“, в. 8, Псков, 1912, стр. 278.

в Псковской земле, так как языковые особенности, нашедшие отражение в тексте (лексика, фонетика, морфология), связывают его с псковскими письменными памятниками.

Текст в сборнике Барс. 1463 представляет собой копию, возможно, сделанную турчасовцем, так как в ней встречаются отдельные черты северно-русского наречия (в морфологии и лексике).

---